⁷⁶ Подробнее см.: *Смирнова И.Ю.* Отношения Российской и Иерусалимской Церквей в 30-е годы XIX столетия по документам архива А.Н. Муравьева // *Религии мира. История и современность.* 2005. М., 2007. С. 169–179; *она же.* Митрополит Московский Филарет (Дроздов) и русская церковная политика на Православном Востоке // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* 2009. Вып. 2. С. 164–180.

⁷⁷ Подробнее см.: *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Иерофей, Патриарх Антиохийский, и его деятельность по материалам российских архивов. Ч. 1, 2 // *Православный Палестинский сборник.* Вып. 105. М., 2007. С. 209–277; Вып. 106. М., 2009. С. 193–251.

⁷⁸ *Никодим (Ротов), митр.* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 51.

⁷⁹ Переписка архиепископа Фаворского Иерофея с А.Н. Муравьевым // *Православный Палестинский сборник.* Вып. 105. М., 2007. С. 313.

⁸⁰ Подробнее см.: *Смирнова И.Ю.* Письма К.М. Базили как источник по истории связей России с Православным Востоком в 1830–1840-е гг. // *Православный Палестинский сборник.* Вып. 103. М., 2005. С. 21–42.

⁸¹ *Колобов О.А., Корнилов А.А.* Константин Михайлович Базили и русское консульство в Бейруте // *Православный Палестинский сборник.* Вып. 102. М., 2005. С. 91.

⁸² *Смилянская И.М.* К.М. Базили // *Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века.* М., 1991. С. 244.

⁸³ *Никодим (Ротов), митр.* Указ. соч. С. 51.

⁸⁴ Переписка К.М. Базили и А.Н. Муравьева (1839–1852) // *Православный Палестинский сборник.* Вып. 103. М., 2005. С. 56.

⁸⁵ Записки лорда Линдсея о Палестине (из *Quarterly Review*) // *Сын отечества.* СПб., 1839. С. 163.

⁸⁶ Договоры России с Востоком, политические и торговые. С. 29–30.

⁸⁷ Цит. по: *Безобразов П.В.* О сношениях России с Палестиной в XIX веке. I. Император Александр I и Патриарх Поликарп // *Сообщения ИППО.* 1911. Т. XXII. Вып. 1. С. 31.

⁸⁸ Записка А.Н. Муравьева о монастыре Святого Креста под Иерусалимом. Санкт-Петербург, 1838 г. // *Религии мира. История и современность.* 2005. М., 2007. С. 226.

⁸⁹ *Лисовой Н.Н.* Указ. соч. С. 56.

⁹⁰ *Ржевуский А.* Отрывок из мемуаров // *Исторический вестник.* 1913. Т. СXXXII. № 6. С. 851.

© 2012 г. Д. А. АНДРЕЕВ *

СТУДЕНЧЕСКИЕ БЕСПОРЯДКИ И БОРЬБА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЕРХАХ ЗИМОЙ–ВЕСНОЙ 1899 ГОДА

Полемика между министром финансов С.Ю. Витте и министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным по вопросу о перспективах земства в 1898–1899 гг. явилась первым в царствование Николая II публичным политическим конфликтом в правительственных сферах. Содержательная сторона этого спора подробно рассмотрена Б.В. Ананьичем¹, однако его контекст и, в частности, существовавшее тогда среди министров противостояние, вызванное студенческими беспорядками зимы–весны 1899 г., до сих пор еще не анализировалось. Лишь вскользь о нем упоминали В.И. Орлов, Ю.Б. Соловьев и И.В. Лукоянов², опиравшиеся на относительно узкий круг источников. Между тем имеющиеся материалы позволяют существенно его расширить и восстановить последовательность событий.

Министр финансов начал проявлять интерес к политике в отношении студентов вскоре после вхождения Николая II, еще в бытность гр. И.Д. Делянова министром на-

* **Андреев Дмитрий Александрович**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

родного просвещения. Как-то Витте пригласил к себе на чай врача Н.А. Вельяминова, близкого к императорской семье, чтобы обменяться мыслями «по одному вопросу». Стоило доктору сесть в экипаж к министру финансов, тот тут же завел речь о деле, говоря, что его чрезвычайно беспокоят охватившие высшие учебные заведения беспорядки и интересует мнение собеседника, чем вызваны «хронические волнения среди студенчества». Проницательный Вельяминов догадался, что Витте, скорее всего, сам желает высказаться о том, как именно следует действовать. Он явно рассчитывал, что его слова будут доведены до вдовствующей императрицы с указанием на их источник. Как вспоминал Вельяминов, тогда еще многие «верили якобы в большое влияние» Марии Федоровны на сына, и Витте, переоценивая ее возможности, всегда искал «сближения с Гатчиной»³.

После назначения Н.П. Боголепова на место скончавшегося гр. Делянова попытки Витте вторгнуться в компетенцию Министерства народного просвещения стали более решительны. Осенью 1898 г. на заседании соединенного присутствия департаментов Государственного совета рассматривался проект устава нового Киевского политехнического института, находившегося в подчинении Министерства финансов. В проекте, предложенном главой финансового ведомства, предусматривалась широкая автономия и понижалось значение административной части. Боголепов раскритиковал его, ссылаясь на собственный опыт управления учебными заведениями (в 1883–1887 и 1891–1893 гг. он был ректором Московского университета, а в 1895–1898 гг. – попечителем Московского учебного округа). Министр народного просвещения призывал ориентироваться на действовавший тогда университетский устав 1884 г., а не на прежний – 1863 г. Однако большинство членов соединенного присутствия поддержали Витте. Правда, через несколько дней министр финансов предложил своему коллеге пойти на взаимные уступки и не выносить «разногласие и споры» в Общее собрание Государственного совета. Боголепов проявил твердость, и в итоге его оппонент «уступил по всем пунктам», выговорив лишь выборность профессуры. После этого финансирование МНП стали регулярно урезать. Со временем Боголепов заметил, что министры, большая часть членов Государственного совета и иные «высокопоставленные лица» заискивают перед Витте. «Более самостоятельно» держались только министр внутренних дел и обер-прокурор Святейшего Синода. К.П. Победоносцев действительно вел себя с Витте независимо, поддерживая его лишь тогда, когда их взгляды совпадали, в противном же случае откровенно выступая против министра финансов, как, например, при обсуждении в 1898 г. вопроса о крестьянской общине⁴. Однако он не мог простить министру народного просвещения противоядействия передаче начальных школ под церковную юрисдикцию. Горемыкин же был «нерешительным, уклончивым и вялым»⁵.

К этому времени главы МВД и Министерства финансов уже «обменялись» записками о земстве, а прозвучавший в середине декабря 1898 г. публичный ответ Витте вызвал пересуды о скорой отставке Горемыкина. 30 января бывший министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков, коснувшись в разговоре с гр. С.Д. Шереметевым виттевской записки о земстве, передал собеседнику слух о якобы готовившемся назначении министра финансов главой МВД. Гр. Шереметев «выразил сомнение», заметив, что Витте «никогда не оставит» своего теперешнего поста. Вечером того же дня министр юстиции Н.В. Муравьев сообщил ему о своем докладе императору, в котором указывалось на «неудобство» данного Горемыкиным разрешения на издание марксистского журнала «Начало». При этом Муравьев «не преминул» заметить гр. Шереметеву, что министру внутренних дел нельзя более оставаться на своем посту, ибо он просто «невозможен»⁶.

По словам Е.А. Боголеповой, к годичному акту Петербургского университета, то есть к исходному моменту студенческой истории 1899 г., Витте уже стремился руководить правительством, рассчитывая при «неопытности» Николая II «захватить власть в свои руки». Для этого ему требовались «преданные и покорные» сотрудники, какими, например, являлись министры земледелия и путей сообщения А.С. Ермолов и кн. М.И. Хилков. На Витте также равнялись военный министр А.Н. Куропаткин, управ-

ляющий Морским министерством П.П. Тыртов и – с некоторыми оговорками – руководитель Министерства юстиции, «всегда враждебно и всегда с насмешливым порицанием» относившийся к главе МВД. Витте вынашивал планы «спихнуть» Горемыкина, сперва поставив на его место министра юстиции Муравьева, а потом лично возглавить МВД⁷.

По-видимому, взаимная неприязнь между Витте и Горемыкиным возникла гораздо раньше их спора о земстве и была вызвана не столько расхождениями в политических взглядах, сколько сугубо личными мотивами. В период между 1892 и 1894 гг., когда Витте уже был женат вторым браком, Горемыкин (в то время еще товарищ министра юстиции) заявлял, по свидетельству Вельяминова, что не позволит своей жене познакомиться с М.И. Витте, ибо «эту женщину» посещать «засорно не только дамам, но и уважающим себя мужчинам». Так получилось, что на следующий день Вельяминов заехал под вечер к жене Витте и остался у входа ждать, пока прислуга доложит о нем. Вдруг он увидел, как из комнаты хозяйки «прошмыгнул» через полутемный зал Горемыкин. Вельяминов заинтересовался у супруги министра финансов, частый ли гость здесь товарищ министра юстиции, и получил утвердительный ответ. Оказалось, что Горемыкин «повалился» приходиться к жене Витте по вечерам, рассчитывая встретиться в столь поздний час с хозяином дома, который был очень ему нужен. А столь необычный способ он избрал потому, что министр не хотел его принимать. «Этот господин, – пожаловалась Вельяминову его собеседница, – обивает у меня пороги, а в городе вешает на меня собак, боится встретить у меня кого-либо и убегает тайком, как только ко мне кто-нибудь придет, в то время как он у меня. Я отлично его понимаю, и мне это страшно в нем противно»⁸.

Таким образом, к началу 1899 г. в правительстве явственно наметились два конфликта. Первый – наиболее существенный – между Витте и ориентировавшимися на него министрами, с одной стороны, и Горемыкиным – с другой. Второй – пока что только тлеющий, но в любой момент готовый разгореться – между Витте и Боголеповым. Эти конфликты и соединились в результате начавшихся 8 февраля 1899 г. студенческих беспорядков. Как писал в дневнике сотрудник «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров, изначально у студентов не было намерения устраивать массовые акции по случаю годовичного акта. Но «кто-то напомнил» Николаю II, что «третьего года» студенты устроили в этот день «пьяные безобразия». Император, опасавшийся за самочувствие своей супруги, вынашивавшей тогда третьего ребенка, на всякий случай приказал Горемыкину, чтобы тот в случае повторения «безобразий» не допускал бы «никакого шума близ дворца ввиду беременности государыни»⁹. По словам вел. кн. Ксении Александровны, писавшей через несколько дней цесаревичу Георгию Александровичу в Абастуман, именно поэтому полицейские кордоны не пустили студентов после университетского торжества на левый берег Невы. Великая княгиня, ссылаясь на столичную молву, сообщала, что петербургский градоначальник Н.В. Клейгельс распорядился не пускать студентов на Дворцовый мост, поскольку молодые люди могли поднять шум у Зимнего дворца и побеспокоить императрицу, которая «опять сильно простудилась» и не вставала с постели¹⁰. Симптомы простуды у Александры Федоровны отметил 8 февраля в дневнике и Николай II¹¹. «Как это все глупо!» – заключала вел. кн. Ксения Александровна, добавив, что в столице «все возмущены» действиями полиции, причем «мы первые»¹².

За этим «мы» скорее всего стояла и вдовствующая императрица, так как в письме великая княгиня упоминала, что «каждый день» общается с матерью¹³. Наверняка они обсуждали и случившееся 8 февраля. При этом Мария Федоровна явно симпатизировала студентам, считая их невинно пострадавшими. Одновременно с дочерью она отправила сыну в Абастуман собственное письмо, в котором прямо заявила, что 8 февраля «ненужное рвение со стороны полиции наделало много вреда»: студенты в день годовичного акта «договорились вести себя спокойно и не устраивать ни скандалов, ни шума», однако их «вывело из себя» вывешенное в университете предостережение ректора «не устраивать беспорядков» с указанием размера штрафа за нарушение дис-

циплины. По мнению Марии Федоровны, студенты «всего лишь были недовольны ректором» (которого они освистали, не дав ему выступить с речью по случаю праздника) и «с воодушевлением» исполнили государственный гимн. Когда же их не пустили на Дворцовый и Николаевский мосты, студенты, «не понимая, куда идти», стали бросать «лед и все, что оказалось под рукой», в полицию, которая «ответила ударами нагаек». Вдовствующая императрица считала действия Клейгельса неправильными, оговорившись, что, возможно, виноваты «его подчиненные», которые «проявили ненужное рвение»¹⁴.

Судя по всему, Клейгельс действительно перегнул палку. 5 февраля, завтракая у генерала Е.В. Богдановича, градоначальник признался, что «очень озабочен» годичным актом, так как ректорское «предупреждение» «озлило» студентов и они замыслили беспорядки. Но вскоре А.В. Богданович (жене генерала) стало известно, что именно Клейгельс инспирировал обращение к студентам от имени ректора. Тогда же секретарь Клейгельса уверял Богдановичей, что подписанные ректором «наставления» учащимся были «написаны чуть ли не самим градоначальником»¹⁵. Видимо, А.С. Путилов, ставший через несколько лет после описываемых событий сотрудником канцелярии Совета министров, не зря считал Клейгельса человеком, «бесспорно, не лишенным административной распорядительности», однако «любившим уличные осложнения», воспринимавшим себя «главнокомандующим, распоряжающимся пресечением волнений», хотя волнения эти «проще было бы не выпустить на улицу»¹⁶.

Первоначально мнению Клейгельса о том, что провинившихся студентов еще «мало выпороли», по-видимому, разделялась практически всеми высшими сановниками. Через день или два после 8 февраля на «большом рауте» у министра иностранных дел гр. М.Н. Муравьева Вельяминов пытался обсудить студенческие дела с некоторыми «сильными мира сего», но ото всех получил достаточно резкую отповедь. Первым, с кем он заговорил «о злобе дня», оказался член Государственного совета П.Л. Лобко, который «против обыкновения» «очень сухо» выслушал собеседника и «сурово» произнес, что нет смысла касаться этого вопроса, ибо «высшее начальство сумеет строго расправиться с “бунтарями”». Витте, который также был «очень не в духе», рекомендовал Вельяминову не брать на себя «неблаговидную роль защитника бунтовщиков и буянов». Вероятно, не зная еще о позиции Марии Федоровны, министр финансов заявлял, что подобные разговоры ему «уже надоели», и доказывал необходимость «покончить» с разными «бунтовщиками в учебных заведениях»¹⁷.

Но к середине февраля Николаю II стало известно мнение вдовствующей императрицы. Во всяком случае, 16 февраля вел. кн. Ксения Александровна и ее муж, вел. кн. Александр Михайлович, говорили ему «много насчет студентов», причем император «отлично все выслушивал и не сердился»¹⁸. К тому времени, судя по записям в дневнике, он уже как минимум дважды после годичного акта виделся с матерью (10 и 13 февраля)¹⁹. Таким образом, царь был подготовлен к тому, чтобы пристально пересмотреть события 8 февраля. И тут Витте полностью изменил свой взгляд на студенческую историю. По сведениям Тихомирова, в период между 8 и 17 февраля министр финансов принял студенческую депутацию, после чего в университете началась «забастовка», а Витте тем временем поставил вопрос о студенческом деле перед Николаем II и его министрами²⁰.

17 февраля в МВД по указанию императора состоялось совещание министров, в котором приняли участие Горемыкин, Боголепов, Витте, Н.В. Муравьев, Победоносцев, Куропаткин, Ермолов, кн. Хилков и главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии гр. Н.А. Протасов-Бахметев²¹. Витте ознакомил собравшихся с подготовленной им запиской по поводу студенческих волнений (кроме него ее подписали Муравьев, Ермолов, гр. Протасов-Бахметев и кн. Хилков). В ней утверждалось, что, в отличие от студенческих историй 1860–1880-х гг., случившееся на годичном акте не имело «политической окраски», но являлось результатом «недоразумений», возникших из-за «домашних университетских дел». Способы обращения с толпой молодежи оказались, по мнению Витте, «не вполне тактичны». И хотя министр

финансов признавал «виновность» учащихся, он называл произошедшие беспорядки «школьной демонстрацией» из-за ректорского предупреждения, «не вполне удачного по изложению, но получившего широкое распространение». В нем «молодые горячие головы усмотрели горькое оскорбление». Витте доказывал, что восстановить порядок возможно только «справедливым, беспристрастным и высокоавторитетным разбором дела» и лишь такой шаг может «заставить признать справедливость возмездия, если по разборе дела окажутся особенно виновные». Поэтому министр финансов призвал собравшихся ходатайствовать перед императором, чтобы тот доверил проведение расследования лицу, «стоящему вне отдельных ведомств», но «на высших ступенях общественной и административной иерархии». На следующий день Горемыкин доложил о записке Николаю II²².

По дошедшим до Тихомирова рассказам, Горемыкин и Боголепов предлагали «не придавать волнениям никакого значения и действовать обычно»²³. Расследование, полагал Горемыкин, способно привести к «опасным последствиям», поскольку «революционные кружки» охватило «сильное брожение». Министр народного просвещения считал целесообразным издать лишь специальное правительственное сообщение, указав «действительно невинно пострадавшим», что они «могут добиться исполнения своих законных требований путем обращения к обычным властям». На это Муравьев с иронией заметил: «Да? К предрержащим властям». Остальные министры, кроме Горемыкина и Победоносцева, также отреагировали на слова Боголепова «резкими, даже грубоватыми замечаниями»²⁴.

18 февраля министр внутренних дел, доложив императору о совещании, все же сумел убедить его не проводить расследование. Днем позже Николай II принял Витте, который вновь напомнил о своей записке. Во время доклада министра финансов из Москвы пришла весть о том, что руководство Московского университета исключило несколько десятков студентов, а один студент застрелился во время обыска. «Все это подействовало на царя, – заметила Богданович, – и он тут же решил, чтобы было сделано расследование»²⁵.

Между тем уже утром 18 февраля Клейгельс пришел на поклон к вел. кн. Александру Михайловичу – зятю Марии Федоровны и близкому к Витте лицу²⁶, считавшемуся возможным руководителем предстоящего расследования. Помимо него кандидатами на этот пост в городе считали бывшего военного министра П.С. Ванновского, бывшего командующего Императорской главной квартирой О.Б. Рихтера, принца А.П. Ольденбургского и вел. кн. Константина Константиновича²⁷. Как записала в дневнике вел. кн. Ксения Александровна, градоначальник «защитил действия полиции» после годовичного акта, но тем не менее «просил, чтобы было произведено следствие», в то время как «умный Горемыкин нашел это лишним»²⁸.

17 февраля на завтраке у вдовствующей императрицы в Аничковом дворце гр. Шереметев слышал, что Мария Федоровна говорила о поручении расследования вел. кн. Константину Константиновичу как о свершившемся факте²⁹. Но когда через два дня во время аудиенции у императора в Зимнем дворце гр. Шереметев «высказал сожаление» по поводу затянувшейся правительственной неопределенности, провоцировавшей «городские слухи», среди которых и назначение вел. кн. Константина Константиновича руководителем расследования, Николай II засмеялся в ответ. «Видно, – отметил граф, – что самая мысль ему казалась забавною». Император подивился, «откуда это берется», и «отозвался о сплетнях петербургских довольно резко». «Главную заботу» царь видел в том, чтобы «возвратить молодежь к занятиям и разрешить дело». «Я уже для этого назначил Ванновского.., – заявил он. – Да, и это не секрет. Вы можете передавать всем и сказать, что слышали это от меня!» Гр. Шереметева не оставлял вопрос, почему же «всегда осторожная» вдовствующая императрица указала на «лицо, о котором, по-видимому, не думали». Он даже допускал, что Марию Федоровну «подвели» те, которым, «очевидно, хотелось» передать расследование в руки великого князя. Еще через четыре дня гр. Шереметев был у Победоносцева. Обер-прокурор говорил «тоном, не сочувственным Ванновскому», и усматривал в решении назначить расследование

происки Витте. Со слов Горемыкина Победоносцев рассказал гр. Шереметеву, что, объясняя министру внутренних дел свое согласие поручить расследование «особому лицу», Николай II сослался на исключительную заинтересованность в таком решении вел. кн. Ксении Александровны: «Ко мне с этим все сестра пристает»³⁰.

Главная интрига начавшегося расследования заключалась в том, к каким переменам в правительстве оно приведет. Скорые отставки Горемыкина и Боголепова считались в обществе предрешенными. Уже 24 февраля об этом писал в дневнике московский городской голова кн. В.М. Голицын. В конце февраля толковали, будто Витте сменит Горемыкина, передав Министерство финансов своему ставленнику, а почти через две недели товарищ управляющего Государственным банком С.И. Тимашев говорил Голицыну, что, «к сожалению», министр юстиции Муравьев «имеет наиболее шансов» возглавить МВД³¹.

Несмотря на распространявшиеся слухи об уходе Горемыкина и Боголепова, оба министра невозмутимо продолжали работать. 12 марта Горемыкин принял кн. Голицына и «целый час» обсуждал с ним «отношения к губернскому земству». Как в тот день записал в дневнике московский городской голова, беседа оказалась «длинной» и «умной», а Горемыкин совсем не производил впечатления «падающего министра»³². 21 марта тонко чувствовавший конъюнктуру К.П. Победоносцев, беседуя с гр. Шереметевым (неколебимым приверженцем Аничкова дворца), скептически отзывался о Ванновском и критиковал Витте³³. Через два дня в письме к московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу Константин Петрович высказался еще более определенно, утверждая, что «раздули» студенческое дело «дамы в гостиных», а также «дворцы», т.е. близкие к Витте вел. кн. Александр Михайлович с женой и вел. кн. Константин Константинович. Вокруг них «образовались целые очаги возмущения» действиями полиции. Когда Ванновский начал расследование, министр юстиции «приставил к нему прокуроров и следователей», чтобы придать всему делу направление, дискредитировавшее полицию. На последовавших затем совещаниях «бедный» министр народного просвещения выглядел «какою-то жертвою». Однажды, когда Витте увлекся критикой Боголепова, Победоносцев, по собственному признанию, вынужден был напомнить, что собравшиеся «не призваны производить суд над министрами»³⁴. Помня, что Боголепов был ставленником московского генерал-губернатора, обер-прокурор Синода торопился представить себя в глазах великого князя чуть ли не единственным защитником министра народного просвещения.

Между тем, вопреки расчетам министра финансов, решение провести расследование не привело к прекращению беспорядков³⁵. Напротив, они лишь набирали обороты. Тогда Витте инспирировал созыв нового совещания министров у Горемыкина. Однако, как отметила Боголепова, ни сам министр финансов, ни Куропаткин, ни министр юстиции Муравьев на него не явились. Собрались лишь Горемыкин, Боголепов, Ермолов и кн. Хилков. Министр внутренних дел, «по своему обыкновению, мало высказывался». Кн. Хилков, «болтливый старичок», многословно призывал относиться к молодежи «сердечно и отечески». Ему вторил, разве что «без лишних подробностей», Ермолов. В такой обстановке Боголепов даже не счел целесообразным вступать в серьезный разговор³⁶.

По-видимому, Витте вскоре пришел к выводу, что без репрессивных мер студенческие беспорядки прекратить не удастся. Это явно противоречило духу записки, представленной им 17 февраля. На заседании 17 марта, ровно через месяц после первого совещания, он предложил министрам чрезвычайно строго наказать студентов. Даже Победоносцев, не выдержав, воскликнул: «Нет, Сергей Юльевич, так нельзя»³⁷.

На следующий день император принял лишь Горемыкина и Боголепова³⁸. Во время аудиенции, как вспоминала вдова министра народного просвещения, Николай II расспросил ее мужа о подробностях последнего совещания. Когда Боголепов передал звучавшее на заседании мнение, будто беспорядки обрели «политический характер, только когда разрослись», император с усмешкой прервал собеседника: «Должно быть, это говорил министр финансов». Подтвердив предположение царя и упомянув о под-

держке Витте со стороны Муравьева и Куропаткина, Боголепов решительно заявил: «Не может быть никакого сомнения, что беспорядки имели политическую подкладку с самого их возникновения». В ответ Николай II призвал Боголепова «не смущаться противодействием публики и министров и твердо и неуклонно следовать раз выбранному направлению»³⁹.

Большое влияние на позицию императора оказали письма вел. кн. Сергея Александровича и его жены вел. кн. Елизаветы Федоровны. 20 марта в письме к Николаю II она указывала, что авторитет Боголепова и Горемыкина «явно рухнул» из-за нарушения принципа, согласно которому «и студентов, и полицейских должны судить собственные их руководители». Поручив расследование «своему судье», самодержец, во-первых, выразил недоверие руководителям ведомств народного просвещения и внутренних дел, а во-вторых, придал работе Ванновского «колоссальную значимость». Этой ошибкой сполна воспользовался Витте, которого великая княгиня считала одним из «самых толковых и опаснейших министров». По ее словам, он «вмешивается не в свое дело, чтобы завоевать популярность», и при этом «не думает ни об императоре, ни о стране». Елизавета Федоровна призывала Николая II вести себя последовательно: либо доверять министрам, либо отправлять в отставку, но не подрывать их авторитет «перед всем миром», в чем ей виделась «революция сверху». Иначе, полагала она, министры и впредь будут лгать и создавать лишь «беспорядок и путаницу»⁴⁰.

Отвечая вел. кн. Елизавете Федоровне, Николай II упомянул, что провести расследование событий 8 февраля ему советовал и министр юстиции. 25 марта вел. кн. Сергей Александрович в письме к брату, вел. кн. Павлу Александровичу, недоумевал, как его протеже Муравьев смог допустить такую «ужасную ошибку» и «подпасть под влияние» министра финансов. Московский генерал-губернатор признавался, что «не ожидал» от него «подобной вещи». Недоумение мужа разделяла и вел. кн. Елизавета Федоровна. В очередном письме к Николаю II она сделала предположение, что Муравьев «увлекся идеей и не предвидел ее плачевных результатов». Великая княгиня не могла найти иного объяснения поступку министра юстиции, который, по ее словам, «всегда был честен и необычайно умен». Уступку императора она связывала именно с тем впечатлением, которое министр юстиции всегда производил на окружающих. При этом великая княгиня воздерживалась от критики Муравьева и даже выразила убеждение, что он «теперь, должно быть, в отчаянии»⁴¹.

К концу марта Муравьев действительно дистанцировался от министра финансов. 4 апреля гр. Шереметев привел в дневнике слова Муравьева, который, признав невозможность «свалить Горемыкина», заявил, что «теперь будет за него». А почти через три недели Витте в присутствии посетившего его гр. Шереметева «очень метко» высказывался о Муравьеве⁴². Уже 25 марта А.С. Суворин записал в дневнике, что Витте «не поладил» с Муравьевым и «действует» теперь совместно с Плеве⁴³. 31 марта вел. кн. Сергей Александрович сообщил вел. кн. Павлу Александровичу со слов ездившего в Петербург В.К. Истомина (управляющего канцелярией московского генерал-губернатора), что министр юстиции «временно потерял равновесие». Тем не менее великий князь надеялся, что Муравьев «вернется», и по-прежнему верил министру.

7 апреля Николай II отправил вел. кн. Сергею Александровичу письмо и в нем откровенно признался дяде, что в студенческой истории его более всего задел «ясно обнаружившийся разлад между господами, у власти стоящими», из которого он извлек «очень полезный урок» на будущее. Письмо вез в Москву министр юстиции, ему поручалось обстоятельно передать генерал-губернатору мнение императора о «разладе» в правительстве и одновременно рассказать то, что было ему известно как очевидцу и участнику конфликта. «Поговори и расспроси Муравьева», – советовал император дяде. Через два дня вел. кн. Сергей Александрович восторженно благодарил племянника за этот совет, сообщив в ответном письме о долгом, продлившемся «почти целый день» разговоре с Муравьевым. По-видимому, министру юстиции пришлось изрядно постараться, объясняя занятую им при «разладе» позицию. «Было бурно – кончилось мирно!» – подвел итог беседы великий князь⁴⁴.

Следующим «беглецом» из партии Витте стал Ермолов. 2 апреля чиновник особых поручений МВД Ф.А. Романченко сообщил А.В. Богданович, что в последние дни министры «по нескольку раз» принимались императором, причем не только в закрепленные за каждым из них дни. По его сведениям, 31 марта министры дважды собирались у Горемыкина. И если Витте еще настаивал на отсутствии у беспорядков «политической подкладки», то министр земледелия и государственных имуществ «прямо перешел на сторону Горемыки» и заявил о «политическом характере» студенческих волнений⁴⁵. Почувствовав себя увереннее, министр внутренних дел «возвысил голос» и заявил, что отказывается верить фактам, собранным Ванновским в ходе расследования. Последний «смолчал», затем они «совместно» имели аудиенцию у императора, после которой Ванновский счел свое дело проигранным. Через три недели Петр Семенович рассказывал гр. Шереметеву, что во время этого совместного доклада Николай II выразил доверие не ему, а Горемыкину. И произошло это, несомненно, благодаря усилиям Победоносцева и вел. кн. Сергея Александровича (в конце марта командированный им в столицу Истомин встречался с Горемыкиным и Боголеповым, а затем был принят Николаем II)⁴⁶. Как сообщал в начале мая генералу А.А. Кирееву кн. Хилков, Ванновский, докладывая, прямо обвинял Горемыкина в том, что многое из называемого «революционной пропагандой» делается полицейскими «агентами-провокаторами». После заверений Ванновского в правдивости его слов и последовавших затем резких выпадов министра внутренних дел у генерала «навернулись слезы». Видя это, император «с отчаянием» обратился к обоим: «Кому же, кому мне верить?!»⁴⁷.

Главным результатом совещаний 31 марта стало «правительственное сообщение», опубликованное 2 апреля в «Правительственном вестнике». Студенческое движение называлось в нем «политическим», но вместе с тем власть великодушно выражала готовность проявить «снисхождение» к исключенным за участие в беспорядках из учебных заведений, «отрезвившимся от заблуждений, в которые они были вовлечены по юношескому неведению и неопытности»⁴⁸.

Однако Витте не собирался капитулировать. 10 апреля Тихомиров записал в дневнике, что в Москву приехал чиновник Министерства финансов М.М. Федоров, тщетно пытавшийся привлечь на сторону своего патрона известных москвичей. В первопрестольной посланец Витте называл Горемыкина «вредным человеком» и уверял, что «низвержение» такого министра – «дело патриотическое». Подразумевалось также, что оно будет хорошо оплачено «распорядителем денег русских». «Наши министры», – писал Тихомиров о миссии Федорова, – «на ножах между собою», причем подобная «безобразная борьба» до сих пор была неведома России. Как рассказывал ему вскоре близкий к Витте И.Я. Павловский, министр финансов прямо признался в том, что Горемыкин его «съел» и к тому же «завладел доверием Государя», употребив такие «негодные средства», как «запугивание» Николая II революцией и т.д. Между тем Витте грезил о должности «министра-президента», который нес бы ответственность лишь перед императором, а остальных министров «назна[ча]л себе сам»⁴⁹.

13 апреля, в Страстной вторник, в Петербург вернулась из Дании вдовствующая императрица. Тесно общаясь с ней, вел. кн. Ксения Александровна через четыре дня уже не скрывала своего возмущения министром внутренних дел: «Горемыкин – это такая гадость, и все, что он делает, – просто свинство! Он самый что ни на есть нигилист, и во всех этих грустных историях со студентами он играет самую отвратительную роль!»⁵⁰. 18 апреля после пасхального приема в Аничковом дворце вдовствующая императрица «шепнула» гр. Шереметеву: «А господин Горемыкин не явился поздравить меня – тем лучше!»⁵¹ На следующий день в письме к сыну в Абастуман она сообщила о стремлении Горемыкина доказать изначально политический характер студенческих беспорядков. Со своей стороны, Мария Федоровна была убеждена, что сразу после 8 февраля «это было не так», политизация же волнений произошла «искусственно» из-за «глупейших мер» (в частности, высылки учащихся, по преимуществу «совершенно невиновных»). Именно тогда массовым недовольством студентов воспользовались социалисты и другие антиправительственные элементы. Ванновский, по словам

вдовствующей императрицы, «великолепно справился с порученным ему делом и все разобрал по справедливости», «доказал, что полиция действовала плохо». Потому-то, предполагала она, скорее всего, «его огромный труд пропадет зря», ибо Горемыкина и его сторонников «не устраивает выявление всей правды» и они не заинтересованы в разоблачении просчетов полиции. Марии Федоровне было «вдвойне, тройне больно видеть», что император «слышит лишь то, что исходит из уст» министра внутренних дел, поскольку тот выставлял «все иначе»⁵². О.А. Новикова, посетив поздней весной вдовствующую императрицу, нашла ее, «конечно, уже немножко на втором плане». Новикова заметила, что Мария Федоровна «недовольна ходом дел». Она даже обронила фразу: «У моего мужа было все спокойно и благополучно»⁵³.

По свидетельству Ванновского, Мария Федоровна была «очень тревожна и огорчена» невниманием Николая II к результатам его расследования. Император же не спешил принять генерала, выполнившего порученное ему дело и представившего соответствующий доклад. Вдовствующая императрица обещала содействовать назначению аудиенции, но не могла ничего добиться. Ванновский был принят царем лишь в середине мая. Тогда же вдовствующая императрица приняла министра народного просвещения, с которым, по словам Н.С. Абазы, говорила «долго» и «очень укоризненно»⁵⁴. Судя по дневнику вел. кн. Ксении Александровны, 21 мая Клейгельс «наговорил» вдовствующей императрице «всякий вздор насчет студенческих беспорядков», выставляя в неприглядном свете Витте. Великая княгиня видела в этом свидетельство зависимости градоначальника от Горемыкина, который его «держит всего в руках и не дает ему пикнуть»⁵⁵. В то же время именно в силу полной подчиненности министру внутренних дел Клейгельс дерзким «вздором» демонстрировал Марии Федоровне отношение к ней своего патрона. Горемыкин же не просто игнорировал обвинения, выдвинутые против Клейгельса Ванновским, но и представил градоначальника к награде⁵⁶.

Точку в «студенческом деле» поставило официальное сообщение, опубликованное в «Правительственном вестнике» 25 мая 1899 г. В нем сухо отмечались «неумелые и несоответственные предварительные распоряжения» полиции и использование нагаек «без особой необходимости», но фактически этим критика ее действий и ограничивалась. Таким образом, Горемыкин одержал победу. Однако министр внутренних дел, явно переоценив прочность собственного положения, утратил ощущение реальности. Выиграв у Витте «студенческое дело», он проиграл ему идеологическую схватку по поводу земства. К тому же ставший, по сути, первым в царствование Николая II политическим кризисом раскол в правительстве из-за молодежных волнений, приподняв Горемыкина, не привел к падению Витте. Равно как и не дал повода говорить о неколебимости рядов победившей группы министров и рассчитывать на дальнейшую верность главе МВД выступивших на его стороне. Поэтому отставка Горемыкина, несколько оттянутая его успехом в противостоянии Витте во время беспорядков в учебных заведениях империи, все же состоялась. А выбор в качестве его преемника удобного практически для всех Д.С. Сипягина означал приглашение к прекращению внутривластных войн и интриг между членами Императорской фамилии.

Примечания

¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 94–113.

² Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 326–339; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 139–145; Лукоянов И.В. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX – начале XX вв. и власть (проблема правого реформаторства). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 78–79.

³ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 3, л. 25–25 об., 31.

⁴ Подробнее о взаимоотношениях Победоносцева и Витте в конце XIX в. см.: Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 304–305.

⁵ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. М., 1912. С. 182–184, 185–187.

- ⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 20–21.
- ⁷ Намерение Муравьева возглавить МВД подтверждали служившие под его началом знакомые брата мемуаристки (Николай Павлович Боголепов. С. 224–225).
- ⁸ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 3, л. 83–84.
- ⁹ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 6, л. 210 об.
- ¹⁰ Там же, ф. 675, оп. 1, д. 181, л. 25–25 об., 23 об.
- ¹¹ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 239, с. 216.
- ¹² Там же, ф. 675, оп. 1, д. 181, л. 25 об., 24.
- ¹³ Там же, л. 23.
- ¹⁴ Там же, д. 50, л. 38–39 об., 41.
- ¹⁵ *Богданович А.В.* Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 230, 232.
- ¹⁶ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 217, л. 120.
- ¹⁷ Там же, ф. 1208, оп. 1, д. 3, л. 90–91 об.
- ¹⁸ ГА РФ, ф. 662, оп. 1, д. 12, л. 163.
- ¹⁹ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 239, с. 217, 218.
- ²⁰ Там же, ф. 634, оп. 1, д. 6, л. 211–211 об.
- ²¹ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 2450, л. 1.
- ²² Там же, д. 2445, л. 1–3.
- ²³ Там же, ф. 634, оп. 1, д. 6, л. 211 об.
- ²⁴ Николай Павлович Боголепов. С. 235–236.
- ²⁵ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 235. См. также: ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 6, л. 211 об.–212.
- ²⁶ О существовавшем на момент рассматриваемых событий «тандеме» Витге – вел. кн. Александр Михайлович и о политической направленности этой коалиции сообщает Лукоянов. См.: *Лукоянов И.В.* Указ. соч. С. 73–74.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 660, оп. 1, д. 46, л. 22.
- ²⁸ Там же, ф. 662, оп. 1, д. 12, л. 164–164 об.
- ²⁹ Как утверждала переданная Тихомировым молва, именно об этом «мечтал» министр финансов (ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 6, л. 212).
- ³⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 33, 36–37, 40 об.–41.
- ³¹ ОР РГБ, ф. 75, д. 20, л. 443 об., 445 об.–446, 454 об.
- ³² Там же, л. 455–455 об.
- ³³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 61.
- ³⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 459.
- ³⁵ О том, что такие расчеты имелись, см.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С. 323.
- ³⁶ Николай Павлович Боголепов. С. 239–240.
- ³⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 323.
- ³⁸ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 240, с. 16.
- ³⁹ Николай Павлович Боголепов. С. 241–242.
- ⁴⁰ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. С. 456–457.
- ⁴¹ Там же. С. 458, 460.
- ⁴² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 72, 86.
- ⁴³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 323.
- ⁴⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. С. 463, 465–466.
- ⁴⁵ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 244.
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 72, 86–87. Как отметил в дневнике вел. кн. Сергей Александрович, у Истомина состоялся «замечательный разговор» с императором (Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. С. 463).
- ⁴⁷ ОР РГБ, ф. 126, д. 12, л. 235.
- ⁴⁸ Правительственный вестник. 1899. 2 апреля.
- ⁴⁹ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 6, л. 239 об.–240, 242–243.
- ⁵⁰ Там же, ф. 675, оп. 1, д. 181, л. 59 об.–60.
- ⁵¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 83.
- ⁵² ГА РФ, ф. 675, оп. 1, д. 51, л. 3–5 об.
- ⁵³ Там же, ф. 634, оп. 1, д. 7, л. 8 об.
- ⁵⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 86, 99.
- ⁵⁵ ГА РФ, ф. 662, оп. 1, д. 13, л. 31–31 об.
- ⁵⁶ Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 121.